

ПРОМЕТЕЙ

Редакционная коллегия:

М. П. Алексеев,
И. Л. Андроников,
Д. С. Данин,
П. Л. Капица,
Ю. И. Селезнев,
С. Н. Семенов (редактор),
А. А. Сидоров,
К. М. Симонов,
В. С. Хелемендик.

Биографии.

Статьи.

Портреты

В. Хелемендик.	У истоков судьбы	5
В. Трухановский.	Адмирал Нельсон (Черты портрета флотоводца, политика, человека)	13
В. И. Кардашов.	«Чертова дюжина»	59
А. Бурмистров.	Петербург в романе «Преступление и наказание»	71
С. Г. Семенова.	Николай Федорович Федоров (Жизнь и учение)	87
С. Н. Семенов.	Григорий Мелехов (Опыт биографии героя романа М. Шолохова «Тихий Дон»)	107

Поиски.

Находки.

Гипотезы

Н. Шабаньянц.	Академик П. З. Захаров, художник «из чеченцев»	131
Ю. Лощиц.	О сивиллах, философах и древнерусских книжниках	139

Мастера
биографического
жанра

Эйнгард.	Жизнь Карла Великого (Вступительная статья, примечания и перевод с латинского А. П. Левандовского)	153
-----------------	--	-----

Историко-
 биографический
 альманах серии
 «Жизнь
 замечательных
 людей»
 Том одиннадцатый

Издательство
 ЦК ВЛКСМ
 «Молодая гвардия»
 Москва
 1977

Макет и оформление Р. Тагировой

Дневники.

Воспоминания

Джон Фолкнер.	Мой брат Билл (Сокращенный перевод с английского Е. Егорьевой)	(. (
Надежда Павлович.	Воспоминания об Александре Блоке)(0

Письма.

Документы

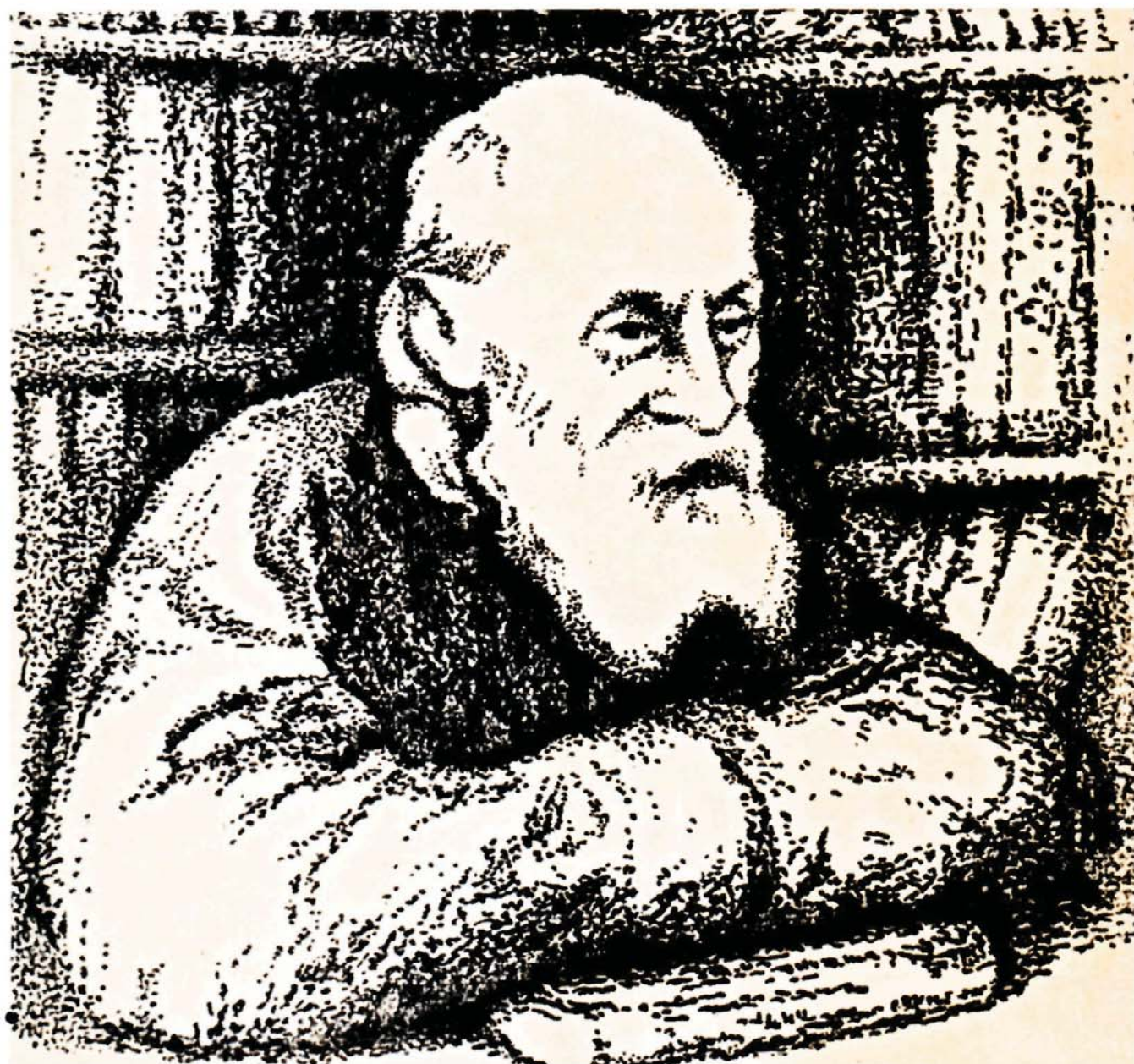
О. Лежава.	«Не дам злорадствовать врагу» (Из семейной переписки М. С. Ольминского)), ,
Валентин Ляшенко.	Руку, небо!) . 0

**Исторические
 очерки**

Р. Г. Скрынников.	Бегство Курбского) 03
Т. А. Павлова.	Кромвель и его наследник	303
В. Дуров.	Из истории отечественных орденов и медалей	3)(

Смесь

Г. Назарова.	«Парад на Марсовом поле» Г. Г. Чернецова (Эскизы и этюды к картине)	3) 0
Юрий Давыдов.	«Никто и никогда не узнает наших имен»	33,
Юрий Давыдов.	«Темна вода во облацех»	343
Н. А. Троицкий.	Эпизод из биографии М. Н. Ермоловой	340
С. М. Яковлев.	Отец «Святогора»	3, 3
С. Тюляев.	Город Победы — Виджайянагар	3-3

Николай Федорович Федоров не принадлежит к числу широко известных деятелей русской культуры. Чаще всего о нем вспоминают как о необыкновенном библиотекаре, настоящем подвижнике книжного дела, когда речь заходит о прошлом Всесоюзной Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (Румянцевского музея)¹.

Но вместе с тем оказывается, что библиотечарь Румянцевского музея разработал оригинальное философское учение, поражавшее самые значительные умы его времени. Так мысли Федорова Ф. М. Достоевский «прочел как бы за свои», Л. Н. Толстой гордится, что живет «в одно время с подобным человеком». Большое внимание к личности Федорова и его идеям, изложенным в посмертно изданной двухтомной «Философии общего дела», проявляли В. Я. Брюсов и А. М. Горький. Последний называл его «замечательным, своеобразным мыслителем»². Прямой интерес Горького к учению Федорова отчетливо выражен в его переписке конца 20-х годов с О. Д. Форш и М. М. Пришвиным³. В последние годы стали вспоминать о Федорове, как о первом представителе идей философского космизма, непосредственном предшественнике К. Э. Циолковского⁴.

Однако до настоящего времени Федоров во многом так и остается тем «таинственным мыслителем», «странным философом», «загадочным стариком», каким он постоянно именовался в немногих непосредственно ему посвященных работах⁵.

ДОМОСКОВСКИЙ ПЕРИОД

Немногие сведения о его личности, которые можно почерпнуть из воспоминаний людей, знавших Федорова по работе в библиотеке Румянцевского музея, почитателей трудов философа — В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, — складываются в удивительно цельный образ труженика, подвижника и аскета. Некоторая легендарность в отражении его жизненно-духовного облика, «показательный», повторяющийся набор эпизодов его биографии в известной степени оправдывают высказывание о том, что Федоров — один из немногих — философ не с жизнью, а с житием.

Изумляющие черты личности этого человека, само учение, распространявшееся по преимуществу устно лишь в самом узком кругу его друзей, — все это неудержимо влекло тех, кто писал о нем, к сюжетным схемам житийного повествования, причем сам Федоров представал как «святой», «старец», «учитель», «москов-

С. Г. Семенова

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ФЕДОРОВ

(Жизнь и учение)

ский Сократ». Поэтому наиболее тщательно разрабатывались эпизоды, связанные с периодом «подвижничества» и духовных подвигов Федорова. Для него это прежде всего последние 35 лет жизни в Москве, когда скромная «каталожная» Румянцевского музея, в которой он работал, превратилась, по словам его биографа А. Остромирова, в «учебный клуб, умственный центр Москвы». Предшествующие этому 40 лет жизни «в миру» крайне бедны фактами.

В рукописном отделе Ленинской библиотеки хранится послужной список Федорова, в котором он сам определяет приблизительную дату своего рождения между январем и апрелем 1828 года. Николай Федорович всегда упорно избегал всяких разговоров о своем прошлом, и только после его смерти близко стоящие к нему люди раскрыли тайну его рождения. Его отцом был князь Павел Иванович Гагарин, родившийся в 1798 году и умерший в возрасте 34 лет. Имя его матери, по одним сведениям крепостной крестьянки, по другим — пленной черкешенки, вообще не известно, так же как и ее судьба. Фамилию и отчество будущий философ получил от своего крестного отца, как это часто происходило в случае с «незаконнорожденными» детьми.

Род князей Гагариных — один из древнейших на Руси — через Рюриковичей восходил к Всеволоду Большое Гнездо. Павел Иванович получил обычное для его сословия образование: окончил Пажеский корпус и Московский университет. Начав с 24 лет службу в Коллегии иностранных дел, он через несколько месяцев по собственному желанию уехал в Америку и жил там четыре года при миссии в Филадельфии. Вернувшись в Россию по болезни в 1826 году и полностью оставив службу, он поселяется в родовом имении на юге Рос-

сии и живет здесь безвыездно до самой смерти. На это время и приходится его связь с матерью Николая Федоровича. Причем она была прочной и длилась все эти годы: у Николая Федоровича были еще брат и одна или две сестры.

Но если Павел Иванович Гагарин ничем, кроме необычной для русского барина добровольной поездки в Новый Свет, не выдвинулся, то его отец, Иван Алексеевич Гагарин⁶, дед Федорова, один из известных масонов екатерининского времени, являлся фигурой весьма колоритной. Горячий поклонник театра, он был женат вторым браком на известной актрисе — бывшей крепостной — Нимфидоре Семеновой. Полагают, что именно она была причастна к тому, что сразу же после смерти П. И. Гагарина и последовавшей за ней через несколько месяцев кончины самого И. А. Гагарина, из княжеского дома была удалена мать Федорова вместе с ним самим, тогда четырехлетним ребенком.

О периоде отрочества и юности Федорова ничего не известно, кроме того, что в 1849 году он окончил тамбовскую гимназию и затем до марта 1852 года учился на Камеральном отделении Ришельевского лицея в Одессе. Это было привилегированное учебное заведение, так что, по-видимому, его мать получала некоторые средства на воспитание сына. Однако уже на одном из выпускных экзаменов Федоров резко поспорил с преподавателем и на остальные экзамены уже не ходил. По словам Н. Н. Черногубова, хранителя Третьяковской галереи, близкого друга Николая Федоровича, последний был уволен из лицея «за бунтарство». Во всяком случае Федоров должен был переживать свое двусмысленное положение «незаконнорожденного» среди высококордных лицейцев, притом что его крайне демократические убеждения, по свидетельству друзей, сложились с самого детства.

Однако, несмотря на изгнание из лицея, Николай Федорович был многосторонне образованным человеком. В воспоминаниях о Федорове все отмечают его поразительные, поистине энциклопедические познания из самых разных областей жизни, науки, искусства. Как вспоминает профессор И. А. Линниченко, образованность Николая Федоровича удивляла всех, к тому же он в совершенстве знал не только основные европейские языки, но и хорошо разбирался в ряде восточных письменностей, одно время сильно увлекаясь китайской. К примеру, Федоров мог любую иностранную книгу тут же вслух удивительно быстро и правильно читать в переводе на русский язык.

Уехав из родного Новороссийского края, Федоров в продолжение 14 лет, с 1854 по 1868 год, учительствует в уездных училищах среднерусской полосы. Он преподавал

историю и географию. Причем на одном месте не задерживался из-за своего бескомпромиссного характера: за это время он меняет семь городов — Липецк, Богородск, Углич, Одоёво, Богородицкое, Боровск, Подольск.

К середине 60-х годов относится знакомство Николая Федоровича с Н. П. Петерсоном, перешедшее затем в дружбу и прямое сотрудничество. Бывший учитель яснополянской школы Л. Н. Толстого, Петерсон после их закрытия решил переехать в Богородск с целью, как он сам пишет, революционной пропаганды. Кстати, по свидетельству старшего сына Л. Н. Толстого, Сергея Львовича, личность Н. П. Петерсона послужила в известной степени прототипом ссыльного революционера Симонсона, обрисованного с большим уважением и теплотой в «Воскресении».

«Один из сочленов кружка сообщил мне, что в Богородске учителем уездного училища некто — Николай Федорович Федоров, человек самоотверженный, напоминающий своей жизнью Рахметова, человек необыкновенного ума и честности; а мы тогда думали, что умный и честный человек не может быть не с нами. И вот приехав в Богородск 15 марта 1864 года, я тотчас же отправился к Николаю Федоровичу, который оказался человеком лет сорока... он был холост и жил аскетом, у него не было не только постели, но даже и подушки, питался он тем, что подавали ему хозяева», — вспоминает Петерсон. В тот же вечер состоялась его беседа с Федоровым, результатом которой явилось «обращение» самого Петерсона, покоренного идеями скромного уездного учителя: «Так беседуя, Николай Федорович развил постепенно целое миросозерцание, совершенно для меня новое, по которому требуется объединение всех людей в труде всеобщего воскрешения, и я был сразу же покорен и уже навсегда. Николай Федорович недолго пробыл при мне в Богородске, всего месяца три; но эти три месяца обогатили меня больше, чем вся предшествовавшая жизнь, и дали мне прочную основу для всей последующей жизни. Эти три месяца совместной жизни с Николаем Федоровичем сделали то, что я не терял уже с ним связи никогда, и мы почти ежегодно, почти до его смерти проводили вместе наше вакационное время; когда были вместе, то не беседовали только, но и писали, то есть я писал под диктовку Николая Федоровича. Мне хотелось сделать известным покорившее меня учение Николая Федоровича, я думал напечатать изложение этого учения, но Николай Федорович всегда противился этому, находя это несвоевременным и самое учение недостаточно развитым, не вполне и ясно выраженным».

Благодаря Петерсону стал известен образ жизни Николая Федоровича в пору его

преподавательской деятельности, суровое самоограничение во всем материально необходимом, совершенно исключительная принципиальность, горячая защита интересов учеников, помощь самым бедным из них. От Петерсона же пошли кочевать и первые житийно окрашенные истории, входящие в федоровскую легенду.

Так писавшие о Федорове любят приводить один особенно характерный эпизод. Однажды тяжело заболевает отец одного из учеников Николая Федоровича. Средств на лечение нет, и Федоров отдает для этой цели все, что у него есть. Больной все же умирает, и нужны деньги для того, чтобы его похоронить. Тогда Николай Федорович продает свой единственный вицмундир и отдает выручку семье покойного. На урок он является в ветхой, почти нищенской одежде. Как нарочно, в училище в этот день приезжает крупный чиновник из столицы. Крайне шокированный внешним видом одного из преподавателей, он тщетно пытается добиться от него объяснения и, негодуя, требует его немедленного увольнения. Только горячее заступничество инспектора училища ограждает на этот раз странного «оригинала».

По свидетельству того же Петерсона, учение Федорова в основных чертах сложилось гораздо ранее их встречи, еще в начале 50-х годов, то есть когда Николаю Федоровичу было 22—27 лет.

Среди рукописей Федорова после его смерти нашли листок, на котором рукой Николая Федоровича были написаны следующие строки: «От детских лет сохранились у меня три воспоминания: видел я черный, пречерный хлеб, которым (говорили при мне) питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал я с детства объяснение войны (на мой вопрос о ней), которое привело меня в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга, наконец, узнал я о том, что есть и не родные, чужие, и о том, что сами родные — не родные, а чужие».

Этот листок недаром исповедально озаглавлен как «необходимое дополнение». Это действительно ценное автобиографическое дополнение для понимания глубоких, личных истоков самого учения Федорова.

ОСНОВНОЕ ЗЛО ЧЕЛОВЕКА

Почти одновременная кончина отца и деда, которая так резко переломила судьбу Федорова, заставила его рано задуматься над смертью. Движимый чувством неприятия невозвратимой утраты, он вырабатывает собственное отношение к смерти. В учении Федорова основным злом для каждого сознательного существа является смерть. Все же конкретные формы зла, от которых страдает человек, для него входят в кортеж главного врага — смерти. Федоров

отличается от всех философов — и западных, и отечественных — прежде всего тем, что подходит к факту смертности человека совершенно революционным образом. Для него смерть не неизбывный фатум, она для него «следствие зависимости от слепой силы природы, извне и внутри нас действующей и нами неуправляемой», она «есть просто результат или выражение несовершенности, несамостоятельности, несамобытности жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни» (I, 91).

Молодой Федоров глубоко задумывается над тем фактом, что все, что мы видим и наблюдаем вокруг — от себе подобных до жучка и былинки, — включено в единый природный ряд, рожденный и подчиняющийся закону смерти, то есть началу и неизбежному падению, концу. Природа — это гигантское целое, которое существует благодаря непрерывающемуся воспроизведению, возобновлению бесчисленных своих частей, вызвала в нем не пантеистическое стремление слиться с ней, а резкое неприятие и протест.

Ведь смерть — атрибут природного существования, где каждое рождение оплачивается смертью других, то есть фундамент всякой индивидуальной жизни — это как бы «кости других», уже живших и живущих. Федоров безжалостно указывает на то, что жизнь человеческая не составляет исключения, она есть также развитие за счет убиения растений, животных и себе подобных. Идет нескончаемая скрытая антропофагия: дети растут, пожирая силы родителей, и в борьбе и разобщенности люди медленно подтачивают друг друга и словом и делом. Сама пища живущих не что иное, как прах предков, дающий плодородие почве и возросшим на ней растениям и животным.

Существующее положение вещей в мире характеризуется Федоровым, как «отживающая форма вселенной, в коей всякое последующее поглощает предыдущее, чтобы быть поглощенным в свою очередь, и где жизнь, вследствие изолированности миров, не может проявляться иначе, как сменой поколений» (I, 274).

Вся эта «природы вековечная давящая» (Н. Заболоцкий) тем не менее может рассматриваться как вполне цельный и «нравственный» организм, пока бесчисленные части участвуют в ее колоритном бессознательно, пока они, повинувшись непреодолимому инстинкту, исполняют весь отпущенный им ритуал существования, чтобы уступить место новым, но с той же жизненной программой частям. Но все резко меняется, когда в связи с появлением человека возникает сознание, острое ощущение неповторимости любой личности, глубокое страдание от утрат. Возникновение сознания ставит под

сомнение прежнюю налаженность, смысл и гармонию природы, или, вернее, поскольку через человека сама природа, как любит повторять Федоров, приходит к сознанию, то растущее в человеке бунтарски-критическое самосознание есть в конечном итоге последняя инстанция истины самой природы, достигнутой ею к настоящему моменту. Современное состояние мира — первая ступень перехода природы от слепоты. Следующая будет достигнута, когда «человечество в полном обладании природой, как своей силой, сможет осуществлять не по нужде, а по избытку душевной мощи, бессмертную мысль в неограниченных средствах материи» (I, 116).

Почему сущее существует? Великий вопрос, — способности задумываться над которым — уникальность человека, поднимающегося над непосредственной жизненно-животной выгодой к чистому, бытийственному интересу. Но именно в такой постановке основного вопроса философского раздумья над миром есть великолепно стоическое отстранение от всякой конкретной плоти в ее страдании. А если попытаться мыслить по-федоровски — вернее, мобилизовать все свои чувства, все свое сострадание, имея в виду следующее: почему живущее умирает, а умирающее не оживает? В федоровский первовопрос, безусловно, войдет и традиционный, на который также необходимо ответить для того, чтобы расшифровать формулу русского мыслителя, трепещущую болью каждого сознательного существа, в ней сохранен основной трагический парадокс человека, одновременно царя мира и жертвы «любого микроба».

Федоров — предшественник таких ученых XX века, как, например, советский академик В. И. Вернадский, которые выдвинули необходимость сознательного управления эволюционным процессом. В основе федоровского плана регуляции природы лежит убеждение, что человечество начинает новый этап развития мира. Человек у Федорова не только является венцом достигнутого природой развития, но к тому же он сам должен стать орудием обратного воздействия на породившую его природу для ее преобразования и одухотворения.

Регуляция, «правлящий разум природы» — широко и многосторонне разработанная Федоровым идея. Тут и овладение природой в противоположность эксплуатации и утилизации, ведущей к ее разрушению, и переустройство самого организма человека, и выход в космос, управление космическими процессами и как пик регуляции, в котором фокусируются все ее усилия, — воскрешение предков.

Вот эту последнюю идею и отмечает прежде всего Петерсон, говоря о большом впечатлении, которое произвело на него

мировоззрение уездного учителя из Богородска. Это была действительно совершенно ошеломляющая мысль. Воскрешение, по Федорову, должно быть осуществлено самим объединенным человечеством во всеоружии исчерпывающего научного знания.

Возвращение «золотого века», достижение совершенного состояния мира, бессмертие — давняя мечта человечества. Постановка вопроса о бессмертии, даже воскрешении, несмотря на их утопизм, не может считаться темно-оккультной или реакционной. В свое время Вал. Брюсов, знавший и ценивший идеи Федорова, писал: «Смерть и воскресение суть естественные феномены, которые она (наука. — С. С.) обязана исследовать и которые она в силах выяснить. Воскрешение есть возможная задача прикладной науки, которую она вправе себе поставить»¹⁰.

Тема научного воскрешения самих людей в будущем возникает и в советской поэзии, у И. Сельвинского и В. Маяковского. Последний, несомненно, знал о федоровском учении через В. Н. Чекрыгина, талантливого графика, вдохновлявшегося им в своих графических листах «Переселение людей в космос», «Начало космической эры», «Воскрешение». Кстати, Чекрыгин был и первым иллюстратором Маяковского¹¹. В финале поэмы «Про это» поэт мечтает о мастерской «человечьих воскрешений» и многократно взывает к будущему: «Воскреси!»

Что касается конкретных путей воскрешения, то при внимательном изучении проектов Федорова обнаруживается в них два подхода к проблеме воскрешения. Первый связан с собиранием рассеянных частиц вещества праха умерших и сложения их в тела на основе «познания и управления всеми молекулами и атомами внешнего мира» (I, 288). Тут Федоров часто мыслит, как вульгарный материалист («... организм — машина, и сознание относится к нему, как желчь к печени; соберите машину, и сознание возвратится к ней» — I, 288); для него как будто не существует сложнейших проблем специфики сознания, личности.

Но дело в том, что федоровские проекты не исчерпываются только подобными «бюхнеровскими» идеями. В глубине его «воскресительных» умозрений брезжут интуиции совсем другого рода. Начнем с того, что Федоров саму возможность воскрешения связывает с предельным, исчерпывающим знанием психофизиологической природы человека, раскрывающейся лишь в бесконечной веренице его предков. Воскрешение у Федорова всегда мыслится в родственном, тесно наследственно связанном ряду — вернее, буквально сын воскрешает отца, отец — своего отца и т. д., вплоть до первоотца и первочеловека.

Для русского мыслителя возможности действительно научного воскрешения упираются в раскрытие тайн наследственности. Об этом говорит и постоянно возникающий образ воскресителя — воскрешаемого, как сына — отца и неустанное подчеркивание значения наследственности и необходимости тщательного изучения себя и своих предков.

На этом строится весь «идеально-должный» уклад проектируемого Федоровым общества, объединенного «общим делом» воскрешения. «Наука в истинном, а не сословном смысле должна состоять в психофизиологическом познании человечеством самого себя через всех без исключения своих членов». Федоров подробно разрабатывает основные линии психофизиологического исследования, в котором главная задача — высветить, изучить весь наследственный ряд данного индивида. Можно условно сказать о федоровском требовании своеобразной всеобщей рентгенограммы генетического кода человечества. «Для того, чтобы раскрыться, показать и вместе понять себя, человечество должно воспроизвести себя из простейших элементов, и не в подобном только, или сокращенном порядке, но в действительном, чрез все индивидуальности, чрез кои проходили эти элементы (исследование сынами самих себя в отцах, отцами — в сынах, узнавание братьями себя в близких и дальних своих братьях), иначе не будет полного взаимознания, как без палеонтологии не может быть и полной зоологической классификации, то есть без внесения в классификацию посредствующих исчезнувших видов» (I, 303).

У Федорова есть такие слова: «...не только не рождаться, но и сделаться нерожденным, т. е. **восстанавливая из себя тех**, от коих рожден сам, и себя воссоздать в виде существа, в коем все создается и управляется волею» (I, 315) (подчеркнуто нами. — С. С.). «Всеобщее воскрешение не художественное только творение из камня, на полотне и т. п.; не бессознательное рождение, а **воспроизведение из нас**, как огонь из огня, при посредстве всего, что есть на небе и на земле, всех прошедших поколений» (I, 85) (подчеркнуто нами. — С. С.). Непроясненно, каким-то пророческим намеком здесь обнаруживается через открытие законов наследственности и управление ею.

Нам, современникам становления и утверждения генетики, уже легче пофантазировать в этом направлении. Впрочем, достаточно сказать, что нет принципиальной научной невозможности восстановить предка, который «записал» себя по частям в целом ряде своих потомков, восстановить его через самих этих потомков. Иными словами, при наличии «собранного» генети-

ческого кода самого предка, всего объема и содержания его собственной наследственной информации, можно говорить о теоретической возможности его воспроизведения. Через потомка восстановить предка (через следствие — причину), сначала ближайшую (сын, дочь — отца, мать), а через них и их отца и мать и т. д. и так вытянуть всю цепь конкретных природных причин (воскрешенные предки).

При таком «генетическом» подходе к проблеме воскрешения дело уже не в конкретных материальных кирпичиках, составляющих тело предка, как в первом, рассмотренном выше случае, а в особенной форме строения, структуре, «формуле» его организма.

Рождение и смерть сцеплены нераздельно, и претензия на бессмертную жизнь требует своей последовательной логики. При сохранении природного порядка существования достижение абсолютного бессмертия невозможно; можно лишь увеличить на более-менее длительный срок жизнь человека, как об этом уже вполне серьезно говорят ученые-биологи. Природа — по своему внутреннему принципу на рождении и смерти стоящая — должна быть поколеблена в самих основах и превзойдена человеческим дерзанием. Природный способ существования (последовательность, осуществляемая через вытеснение и гибель старого для кратковременного торжества нового и последующего его вытеснения) необходимо заменить одновременностью, сосуществованием всех когда-либо живших поколений в преобразенном трудом и творчеством бессмертном виде.

Воскрешение для Федорова — высшая гарантия бессмертной жизни. Уничтожить окончательно смерть можно лишь тогда, когда человек научится воссоздавать себя из самых простых элементов. Но для этого надо реально познать, то есть восстановить всю цепь своих непосредственных телесно-природных причин, то есть предков.

Идея всеобщего воскрешения рождается у Федорова прежде всего из непреодолимого сердечно-нравственного требования, диктуется глубоким чувством долга. Нужно, чтобы «все рожденные поняли и почувствовали, что рождение есть принятие, взятие жизни от отцов, т. е. лишение отцов жизни — откуда и возникает долг воскрешения, который и сынам дает бессмертие» (I, 401). Люди должны, по Федорову, выполнить свой высший долг — вернуть к жизни тех, кто их рождением вытесняется, умерщвляется, — отцов.

Для Федорова все человечество — большая семья, связанная тесными узами общих предков и единой судьбы, но семья в действительности распавшаяся, забывшая о своем родстве.

Обратить сердца живущих к утраченным, сердца сынов к отцам — вот та тон-

Московский публичный Румянцевский музей

кая задача, направленная на область чувства, без разрешения которой одним умом на «общее дело» не сдвинешься. А чувство должно быть столь большим, по Федорову, чтобы переориентировать всю свою жизнь назад, к предкам. Пробудить чувство всеобщей родственности Федоров стремится указанием на культ предков, как единственно истинную религию. Но, «если религия есть культ мертвых, то это не значит почитание смерти, напротив, это значит объединение живущих в труде познания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, в труде обращения ее в живородящую» (I, 48). Вспомним о том детском чувстве недоумения и боли от открытия того, что не все родные, которое отметил Николай Федорович в своей автобиографической заметке. Отношение ребенка к узнаваемому им миру ближних, как ко все расширяющемуся кругу родных, должно стать нормой для всех. В нем не осознанно, не рефлексивно, а всем трепещущим детским существом творится живой обряд «культа предков». «В детском чувстве всеобщего братства заключалось, что каждый человек есть сын, внук, правнук, праправнук, потомок отца, дедов, прадедов,

предков, общего, наконец, праотца» (1, 59).

«Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира, и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим» — так называлась работа, в которой Федоров попытался впервые изложить свои взгляды. Вызвала ее появление, по его словам, «ненавистная раздельность мира и все проистекающие из нее бедствия» (I, 7), глобальные антагонизмы, разрывающие жизнь человечества: теория и практика, мысль и дело, ученые и неученые, город и деревня, богатство и бедность. То состояние, в котором пребывает мир, характеризуется русским мыслителем как глубоко небратское, неродственное, отмеченное взаимной враждой. «Под небратским состоянием мы разумеем все юридико-экономические отношения, сословную и международную рознь» (I, 9). Казалось бы, Федоров повторяет старые упования всех социальных утопистов на осуществление братства и любви, как пути к совершенному состоянию человечества. Но это не совсем так. Неродственность у Федорова не только отрицательное опреде-

ление мира межличностных или социальных отношений (гоббсово «человек человеку — волк»), но и этико-космическая категория. «Неродственность в ее причинах обнимает и всю природу, как слепую силу, неуправляемую разумом» (I, 12). Неродственность — внутреннее качество самого природного порядка существования, основанного на принципе взаимной непроницаемости и раздельности, который и нас делает орудием «вытеснения старшего поколения младшим, взаимного стеснения, которое ведет к тому же вытеснению» (I, 11).

Представим, что на Земле трудом нескончаемых поколений создано идеальное общество, устроенное на началах справедливости, братства и любви, выросшее из совершенных, гармоничных людей. Но они по-прежнему остаются естественной жертвой непросветленной природы. Чем величественнее человек, чем он сложнее, прекраснее и одухотвореннее, тем мучительнее для него становится зависимость от болезни и смерти. Да и само общество, со всеми его достижениями, может нелепо сгинуть от какой-нибудь земной или космической катастрофы. Федоров призывает направить этическое действие человечества на «небратство», «неродственность» материи и ее сил.

Единый метафизический корень «неродственности» разветвляется во все стороны жизни, и русский мыслитель прежде всего призывает ко всеобщему, объединяющему всех исследованию причин неродственности и затем к ее устранению.

МОСКВА. РУМЯНЦЕВСКИЙ МУЗЕЙ

В конце апреля 1868 года Федоров переезжает в Москву и сразу же поступает на службу — сначала он работает вместе с П. И. Бартеневым в Чертковской библиотеке, затем с 1874 года в продолжение 25 лет — в Румянцевском музее и, наконец, в последние годы жизни — в читальном зале Московского архива Министерства иностранных дел. О московском периоде деятельности Николая Федоровича — особенно о том времени, когда он заведовал «каталожной» в читальном зале Московской публичной библиотеки при Румянцевском музее, как уже говорилось выше, — сохранилось довольно много воспоминаний читателей и коллег. Все они единодушно отмечают, что за его «служением» не было видно ни личной жизни, ни службы в обычном смысле¹². «Так как он был своеобразен во всем, так ничем не напоминал обыкновенных людей, что при встрече и знакомстве с ним поневоле становились в тупик люди, особенно выдающиеся и особенно оригинальные. Николай Федорович поражал в этом отношении и всех простых смертных, и даже таких, на-

пример, оригиналов, как граф Л. Н. Толстой или В. С. Соловьев. Все в нем было свое, и ни в чем он не походил на рядового смертного, начиная с внешности, продолжая привычками и приемами жизни и оканчивая мировоззрением»¹³, — писал о нем П. Я. Покровский.

Николай Федорович приходил в библиотеку на полтора-два часа раньше ее открытия и уходил последним, работа и по воскресеньям, чтобы дать возможность заниматься людям, несвободным в другие дни недели. Так сам Федоров показывал пример того добровольного труда, к которому он всегда горячо призывал. Из своего скудного заработка он помогал не только «стипендиатам», регулярно являвшимся к нему каждое 20-е число — день зарплаты — в библиотеку, но и приплачивал служащим музея, чтобы поощрить их к лучшей работе. Кстати, дирекция не раз выступала с предложением увеличить его жалованье. Но Николай Федорович всегда отказывался, находя свое положение совершенно удовлетворительным, и просил, чтобы помощь была оказана другим, малообеспеченным сотрудникам библиотеки. К тому же, по свидетельству Н. П. Петерсона, большая зарплата обязывала бы Николая Федоровича выполнять обязанности присяжного заседателя, а роль судящего и осуждающего была для него принципиально неприемлема.

Все посетители, серьезно занимавшиеся в библиотеке, пользовались особым покровительством Николая Федоровича, который нередко давал им ценнейшие советы и рекомендации, а также находил нужные книги сверх тех, которые читатели сами заказывали. «Скорее вы сами отложите в сторону и забудете о вашей работе, чем он забудет о том, что для него надо; он раньше не успокоится, пока не исчерпает всего материала»¹⁴ — так характеризует поразительную заинтересованность Федорова в достижении другими людьми той цели, которую они перед собой поставили, Екатерина Некрасова, довольно известная тогда писательница. «Удивительны и совсем редки библиоманы, знающие по корешкам и названиям все книги обширных библиотек. Но едва ли какая-нибудь библиотека, кроме Румянцевского музея, могла похвалиться исключительной честью иметь библиотекарем человека, знающего содержание всех своих книг. А Николай Федорович знал содержание книг Румянцевского музея, и это было прямо невероятным явлением»¹⁵. Ходили почти легенды о совершенно удивительных познаниях Федорова. Многие русские ученые (причем диапазон тех наук, которыми они занимались, необыкновенно широк: от востоковедения до военно-морского дела) с благодарностью вспоминали о той помощи, которую им оказал Николай Федорович. «Это была прямо живая эн-

циклопедия в самом лучшем значении этого слова, и кажется, не было предела его памяти»¹⁶ — пишет в своих воспоминаниях П. Я. Покровский.

А. А. Гинкен, автор статьи «Идеальный библиотекарь — Николай Федорович Федоров», называет его «героем и подвижником в области книговедения»¹⁷. Он стал инициатором новых форм ведения книжного дела: выдвинул идею не только межбиблиотечного, но и международного книгообмена, использования в читальных залах книг из частных коллекций и т. д. Он первым составил систематический библиографический каталог книг, хранившихся в Румянцевском музее. Особое значение Федоров придавал книжной карточке-аннотации, которую, по его мнению, должен был составлять сам автор произведения. Эта карточка призвана стать «зерновкою, из которой развивается целое растение, программой, по коей, в случае гибели сочинения, оно могло бы до известной степени быть восстановлено»¹⁸.

Для философа «общего дела» книга как соединяющее и нетленное звено между бывшим и настоящим приобретала особенное, «воскрешающее» значение. Все печатные памятники эпохи, вплоть до самых ничтожных — календарей, проектов, уставов, объявлений, афиш и т. д., должны быть сохранены. В неопубликованной статье «Уважал или презирал книгу XIX век» Федоров пишет следующее: «Книга как выражение слова, мысли и знания занимает высшее место среди памятников прошедшего; должна она занимать его и в будущем, которое призвано стать делом возвращения прошедших поколений к жизни, и лишь тогда книга с этого первого места снизойдет на последнее, когда то, что было лишь в книге, то есть только в мысли и слове, станет живым делом человечества»¹⁹.

Пафос сохранения реалий прошлого ярко выразился в федоровском проекте музея. Сам факт музея в истории свидетельствует, по Федорову, о неистребимом желании человечества запечатлеть бывшее. Вообще существование музеев доказывает, что «сыны еще есть, что сыновнее чувство еще не исчезло, что остается еще надежда спасения на земле» (II, 419).

Человек уходит, оставляя после себя произведенные им вещи, свидетельствующие о личности их создателя. Федоров полагал, что глубокий смысл собирания мертвых вещей заключается в том, чтобы за ними видеть, по ним воссоздавать их авторов. «Музей и с предметной стороны есть (совокупность лиц), само человечество в его книжном и вообще вещественном выражении, то есть музей есть собор живущих сынов с учеными во главе, собирающий произведения умерших людей, отцов. Задача музея поэтому естественно — восстановление последних по первым» (II, 410).

Хранение экспонатов, указывал Николай Федорович, должно быть дополнено исследованием, переходящим в деятельность. Свой особый вклад в «общее дело» музей осуществляет через исследование причин неродственности мира. «Всенародный», «всеученый» музей становится сборным пунктом этого повсеместного исследования, завершающим этапом образования всех в духе братства, по отношению к которому все учебные заведения становятся подготовительными факультетами.

Несмотря на свое скромное положение в библиотеке, Федоров вскоре становится своеобразным нравственным средоточием всей библиотечной деятельности музея, воплощая «интеллектуальную и духовную власть»²⁰. По воскресеньям его «каталожная» превращалась в настоящий дискуссионный клуб, где звучало «среди разлада мыслей и тумана сомнений умиротворяющее слово «учителя», способное вместить разнообразие направлений и объединить кажущиеся противоречия своею совершенно исключительною синтетическою способностью»²¹.

Во всех воспоминаниях о Федорове образ жизни этого необыкновенного библиотекаря вне его службы складывается в единую картину. В пятом часу он возвращался из Румянцевского музея в свою каморку, обедал чаще всего хлебом с чаем без сахара, спал часа полтора на голом, жестком сундуке без подушки, которую заменяли книги, затем читал и писал до 3—4 часов ночи и, дослав еще часа 2—3 и опять напившись чаю, часов в 7—8 опять шел в библиотеку. И так из года в год, вплоть до самой смерти. Всегда ходил пешком и ни копейки не тратил на развлечения. Зимой и летом он был одет в одну и ту же старенькую кацавейку. «В музее он получал 33 рубля ежемесячного жалованья, и из них 8 рублей в месяц тратил на себя: 5 рублей за угол и 3 рубля на харчи, то есть на чай с баранками»²². Поэтому неудивительно, что Николай Федорович мог почти все свое мизерное жалованье раздавать нуждающимся и покупать книги, но не для себя, а для других. Е. Некрасова вспоминает, что он из своих скудных средств ухитрялся даже приобретать недостающие, но нужные для библиотеки книги.

Что касается внешности Николая Федоровича, то знавшие его пишут, что он был среднего роста, худощав, несколько согбен, почти лыс. Многих поражали совершенно правильные черты его бледного, когда-то красивого лица. Все особо отмечают «его удивительно лучистые глаза», «юношеские огненные глаза», «горящий пронизательный взор», который несет на себе «печать ума, энергии и огромной силы воли». «От всей фигуры его веяло сознательным, тяглым подвижничеством, добровольно

подвѣтным не ради оригинальности и известности, но ради самовоспитания во имя высших задач и стремлений»²³, — подводит итог П. Я. Покровский.

«У него было такое выражение лица, которое не забывается. При большой подвижности умных и проницательных глаз он весь светился внутренней добротой, доходящей до детской наивности.

Если бывают святые, то они должны быть именно такие»²⁴, — вспоминает о Федорове один из сыновей Л. Н. Толстого.

Вместе с тем профессор И. А. Линниченко, говоря о юношеской горячности, бодрости и воспламенности чувств Николая Федоровича, подчеркивает, что этим он резко отличался от хрестоматийного облика святого старца: «Он жил жизнью подвижника, но не отшельника... людей и общество Николай Федорович очень любил»²⁵. Сам Федоров не только не признавал себя аскетом, но и искренно сердился, когда ему об этом говорили. Ю. Бартенева очень точно удалось выразить смысл как аскетизма Федорова, так и необыкновенного подъема сил, который он сохранил до глубокой старости: «Мать, у которой опасно болен ребенок, забывает о еде, о всем, что не касается любимого существа, и проявляет непостижимую силу: в таком состоянии прожил и Николай Федорович всю свою жизнь. Для своего дела он забывал все, что привлекает нас»²⁶ (подчеркнуто Бартенева).

Во всех посвященных учению Федорова работах обязательно говорится о глубокой значительности и оригинальности его идей. Единственным исключением, насколько нам известно, является статья русского богослова Г. Флоровского²⁷, довольно резко выступившего против федоровских проектов и усматривавшего в них опасное сходство с идеалами большевистского переустройства мира. «Одиочная греза об общем деле» — так оценивает Флоровский призыв Федорова к объединению всего человечества.

В этих словах, несмотря на явную предвзятость статьи в целом, казалось бы, есть некоторая доля истины. Облик Федорова так и просится в установившуюся схему — анахорет-прожектор дерзает изменить весь ход земной истории. Но это скорее «истина», порожденная стереотипным мышлением. И если в своей жизни Федоров не смог воплотить всех положений своего учения (что было и невозможно), то она, безусловно, «теоретически» соответствовала тому пафосу, из которого это учение родилось: активное неприятие смерти и такого существования, при котором человек пытается о ней забыть. Скромный библиотекарь, аскет, не замечающий того, во что он одет, и того, что он ест, с презрением отвергающий материальные блага, сконцентрировавший все свои духовные

силы для решения одной задачи: собрать всех на одно общее, главное дело — убить смерть, возратить утраченное, — таков четкий жизненный профиль Федорова. Это чеканно суровый профиль идеи и чувства, ставших жизнью.

РЕГУЛЯЦИЯ ПРИРОДЫ. ВЫХОД ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В КОСМОС

Среди читателей, которых взял под свое духовное покровительство Николай Федорович, был и молодой Константин Эдуардович Циолковский, занимавшийся самообразованием в Москве с 1873 по 1876 год. В своих воспоминаниях, написанных незадолго до смерти, среди знаменательных событий своей жизни Циолковский отмечает встречу с Федоровым. «В Чертковской библиотеке я однажды познакомился с одним из служащих. Он давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров, друг Толстого, изумительный философ и скромник. Федоров раздавал все свое крохотное жалованье беднякам. Теперь я понимаю, что и меңя он хотел сделать своим пенсионером»²⁸.

К. Алтайский, положивший в основу своей книги о Циолковском беседы с ним, приводит его слова:

«Федорова я считаю человеком необыкновенным, а встречу с ним — счастьем», он «заменял университетских профессоров, с которыми я не общался...

Я тогда по-юношески мечтал о покорении межпланетных пространств, мучительно искал пути к звездам, но не встречал ни одного единомышленника. В лице же Федорова судьба послала мне человека, считавшего, как и я, что люди непременно завоюют космос. Но, по иронии той же судьбы, я совершенно не знал о взглядах Федорова. Мы много разговаривали на разные темы, но космос почему-то обходили. Вероятно, сказалась разница в возрасте. Такие разговоры о космосе со мной он находил, видимо, преждевременными»²⁹. Только через десять лет после смерти Федорова Константин Эдуардович узнал об его учении, прочитав «Философию общего дела», которую он очень высоко оценил.

Федорова недаром называют предшественником космических идей Циолковского. Еще задолго до знаменитых работ Константина Эдуардовича Федоров полагал, что люди не ограничатся пределами Земли, неизбежно заселят космос и станут активными его преобразователями.

Выход человека в космос связан в учении Федорова с его проектом регуляции природы, которая определяет себя как принципиально новая ступень развития. Если эволюция — прогресс невольный, то регуляция должна стать сознательно-волевым преобразовательным действием, совершаемым «существами разумными и нравствен-

ными, трудящимися в совокупности для общего дела».

В годы, когда Федоров писал свою записку к «ученым», низовая, народная Россия была истощена следующими один за другим неурожайными годами. Туча, не пролившая дождя над засохшей землей, оборачивалась смертью сотен тысяч.

В Америке были произведены удачные опыты вызывания дождя с помощью взрывчатых веществ, буквально совпавшие со страшным голодом (1891 года) в России. Для Федорова это «явилось как благая весть, что средства, изобретенные для взаимного истребления, становятся средством спасения от голода» (I, 3).

Известный общественный деятель Н. П. Каразин еще в начале XIX века выступил с конкретными проектами управления погодой, «приложения электрической силы верхних слоев атмосферы к потребностям человека» (II, 276) (в частности, он предлагал поднимать громоотвод, привязанный к аэростату, для добывания атмосферного электричества). Для Федорова Каразин не просто метеоро-лог, а первый метеоро-ург, дерзнувший перейти от пассивного предсказания явления к разумному управлению им.

Проекты «Философии общего дела» значительны тем, что они обосновывают только в самом общем виде необходимость регуляции природы и намечают пути ее преобразования, поражающие своим точным научным предвидением. Речь идет о том, что «ветры и дожди обратятся в вентиляцию и ирригацию земного шара, как общего хозяйства» (I, 281); об управлении движением самого земного шара («человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугой, экипажем нашего земного, — неизвестно еще, какую силу приводимого в движение, — корабля» — I, 284); о поисках новых источников энергии, овладении энергией Солнца («солнечная система должна быть обращена в хозяйственную силу» — I, 332, «хозяйственная задача человека состоит именно в устройстве такого регулирующего аппарата, без коего солнечная система остается слепой, несвободной, смертоносной силой» — I, 331).

Об одном интересном эпизоде рассказывает Вал. Брюсов в своих воспоминаниях о пребывании в 1909 году у Э. Верхарна: «Мы говорили об аэропланах. Я рассказываю о состязаниях в Жювизи, на которых присутствовал. — Я рад, — говорил Верхарн, — что дожил до завоевания воздуха. Человек должен властвовать над стихиями, над водой, огнем, воздухом. Даже должен научиться управлять самим земным шаром. К удивлению Верхарна, я сообщал ему, что эту мысль у него предвосхитил русский мыслитель, старец Федоров»³⁰. Брюсов мог бы добавить, что еще в

1906 году в стихотворении «Хвала человеку» он сам выразил эту же «федоровскую» мысль:

Верю, дерзкий! ты поставишь
Над землей ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил.

Разрабатывая свой проект регуляции, Федоров с самого начала подчеркивал неотделимость Земли от космоса, тонкую взаимосвязь происходящего на нашей планете с процессами во вселенной. «Единство метеорического... и космического процессов дает основание для расширения регуляции на солнечную и другие звездные системы для их воссоздания и управления разумом» (II, 252). Известно, что в XX веке исследование этой связи стало уже целым направлением в науке, ярким представителем которого является выдающийся советский ученый А. Л. Чижевский³¹.

Федоров остро ощущал распаханность Земли в космические дали. «Труд человеческий не должен ограничиваться пределами земли, тем более что таких пределов, границ не существует; земля, можно сказать, открыта со всех сторон, средства же перемещения и способы жизни в различных средах не только могут, но и должны изменяться» (I, 277).

Неизбежность выхода человечества в космос рассматривается в «Философии общего дела» основательно, с самых различных сторон. Аргументы «за» разнообразны: невозможность достичь полной регуляции лишь в пределах Земли, зависящей от всего космоса, который также изнашивается, сгорает, «падает»; вместе с тем в бесконечных просторах вселенной размещаются мириады воскрешенных поколений, так что «отыскание новых землиц» становится приготовлением «небесных обитателей» отцам. «Порожденный крошечной землей, зритель безмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и правителем» (II, 253).

Федоров уже в конце XIX века видел единственный выход для человечества, упирающегося в неотвратимый земной финал — истощение земных ресурсов при все большем умножении численности населения, космическая катастрофа, потухание Солнца и т. д., — в завоевании новых сред обитания, в преобразовании сначала солнечной системы, а затем и всего космоса.

«Во все периоды истории очевидно стремление, которое доказывает, что человечество не может удовлетвориться тесными пределами земли, только земным» (I, 285). Эта реальная, естественная потребность «горнего» извращалась, преобразуясь в мистические экстазы, «хождение, восхищения на небеса... всякого рода видения, ревивали, спиритические фокусы и т. д.»

(I, 285). Только такая безбрежная область деятельности, как овладение космосом, «этот великий подвиг» (I, 283) привлечет к себе и всю духовную энергию, все силы человечества, которые сейчас расходуются на взаимную рознь или растрачиваются по пустякам.

О том, насколько подобные идеи в конце прошлого столетия казались бредовыми, свидетельствует следующий эпизод, который передает Ф. И. Буслаев в своих воспоминаниях. Л. Н. Толстой в начале 80-х годов пересказывал увлекавшие его тогда проекты Федорова членам Московского психологического общества во главе с профессором М. М. Троицким. На недоуменный вопрос «а как же уместятся на маленькой земле все бесчисленные воскресенные поколения» Толстой ответил: «это предусмотрено: царство знания и управления не ограничено землей». Это заявление было встречено, по словам Буслаева, «неудержимым смехом присутствующих»³².

В «Философии общего дела» Федоров нащупывает и самые общие направления будущей трансформации физического состава человека. Русский мыслитель безусловно понимает значение нового, введенного человеком фактора — искусственного, — который увеличивает наши возможности: к примеру, микроскоп и телескоп невероятно изощряют зрение, а авиационные средства, при помощи которых человек будет перемещаться в космическом пространстве, как предсказывал Федоров, «сделаются тогда телесными крыльями» (I, 318).

Вместе с тем Федоров говорит о прямой зависимости перестройки человеческого организма от его связей с окружающей средой.

Всегда радостна созвучность смелых мыслей людей, идущих к ним с разных сторон и в разное время. Академик В. И. Вернадский утверждал, что дальнейшее развитие человечества состоит «наряду с разрешением социальных проблем, которые поставлены социализмом, в изменении формы питания и источников энергии, доступных человеку»³³. Выдающийся биофизик имеет в виду овладение энергией Солнца, а также «непосредственный синтез пищи, без посредничества организованных существ»³⁴, умение поддерживать и воссоздавать свой организм примерно так же, как это происходит с растениями (они и некоторые почвенные бактерии являются автотрофными³⁵, то есть сами строят свой организм на основе таких веществ окружающей среды, как газы, водные растворы, соли, и т. д.).

«Последствия такого явления в механизме биосферы были бы огромны. Это означало бы, что единое целое — жизнь — вновь разделилось бы, появилось бы третье, независимое ее ответвление. Человече-

ский разум этим путем не только создал бы новое, большое социальное достижение, но ввел бы в механизм биосферы новое, большое геологическое явление...

В конце концов будущее человека всегда большей частью создается им же самим. Создание нового, автотрофного существа даст ему доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений...»³⁶.

Послушаем теперь Федорова: «Человеку будут доступны все небесные пространства, все небесные миры только тогда, когда он будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что тогда только он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы» (I, 421). Вот в чем состоит «сущность того организма, который мы должны себе выработать: «Этот организм есть единство знания и действия; питание этого организма есть сознательно-творческий процесс обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани. Органами этого организма будут те орудия, посредством коих человек будет действовать на условия, от которых зависит жизнь растительная и животная» (I, 318).

Как мы видим, эта обобщенная схема будущего человеческого организма, который осуществляет непрерывное творческое самосозидание, основанное на всеобъемлющем знании «метаморфозы вещества», широко включает в себя также «искусственное», элементы, сконструированные самим человеком.

А вот как прогнозирует будущее человека известный советский астрофизик И. С. Шкловский: «Поразительные успехи молекулярной биологии и кибернетики постепенно приведут к коренному изменению биологических характеристик разумных существ путем целесообразного синтеза «естественных» и «искусственных» организмов и их частей. Подобно тому как мы сейчас широко пользуемся искусственными протезами (например, зубами), не отделяя их от своего «я», разумные существа будущего в значительной, если не в большей, части могут состоять из искусственных элементов»³⁷.

Одновременно, считал Федоров, будет изменяться и внутренний мир человека. Основная переориентация эмоциональной сферы человека связана у Федорова прежде всего с обращением всей души живущего к умершим предкам, с установлением всеобщей родственности и братства. Только полное и совершенное знание и взаимознание приведут к тому идеалу устройства общества, который получил у Федорова название психократии, власти психеи, внутренней силы чувства, а не внешнего юридического закона.

Основная надежда в деле регуляции природы возлагается в «Философии общего дела» на науку. Федоров призывает к объединению всех наук вокруг астрономии — одним словом, выступает с той идеей, которая в наше время определяется как космизация науки. «Соединить все науки в астрономии значит обратить их в небесные механику, физику, химию...» (II, 248).

К концу XIX века стала обсуждаться такая проблема, как разоружение. Однако русский философ предлагал не разоружаться, а «переоружаться», не распускать армии, а превратить их в мощную исследовательскую и преобразующую силу. Народам и государствам просто психологически (не говоря уже о конкретных исторических и социально-экономических причинах) трудно, если не невозможно, пойти на полное уничтожение созданного ими: ведь вооруженные силы аккумулируют в себе усилия столетий, опыт научного и технического развития, самоотверженность и сплоченность широких масс. «Нужно не бросить меч, а перековать его на орало, не бросить оружие, ибо его могут поднять и обратить против нас же» (I, 676). «...Дать истинно братский исход накопившимся громадным силам и всякого рода горючим материалам вместо того, к чему все это готовилось, т. е. вместо войны» (I, 663).

Враждебно противостоящие друг другу армии следует обратить к «естественному разумному действию на слепые, неразумные силы природы, поражающие нас засухами, наводнениями, землетрясениями и другими всякого рода бедствиями» (I, 662).

Как первый этап в реализации своего проекта Федоров предлагает начать в армии работу по метеорологической регуляции, привлекая все новейшие средства, используемые в военном деле: ведь вооруженные силы всегда были одним из первых испытательных полигонов последних достижений науки и техники. «Но самое важное при этом будет заключаться в обращении военного дела в исследование, в изучение природы» (I, 661), которое становится постепенно всеобщим делом. Всеобщая воинская повинность, соединенная со всеобщим образованием, превращается во всеобщую естествоиспытательную повинность: все народы составляют единую армию, производящую исследования и опыты на всем пространстве земли, в самой природе.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА РОССИИ

Знавшие Николая Федоровича вспоминают, что он, обычно доброжелательный к людям, терпимый человек, буквально взрывался, приходил в крайнее негодование,

когда кто-либо оскорблял его горячее патриотическое чувство. Однажды он просто-напросто выгнал из читального зала одного известного и весьма уважаемого ученого мужа за его презрительный отзыв о России.

Николай Федорович был одушевлен страстной верой в великое призвание России. Федоров, как и Ф. М. Достоевский в своей знаменитой пушкинской речи, видит «идею» России в разрешении общечеловеческой задачи. Для Федорова она приобретает четкие очертания «общего дела» регуляции и воскрешения: «славянскому племени принадлежит раскрытие мысли о всеобщем соединении и принятии ее как руководства, как плана, проекта деятельности, жизни» (I, 260).

У Федорова есть поразительный для его времени, ясный ответ на смутно-профетические чаяния великого русского писателя: «Русь, Русь, что пророчит сей необъятный простор?»: «Наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» (I, 282).

Автор «Философии общего дела» видит в государстве — воплощение глубокой провиденциальной идеи. Русское государство на протяжении столетий осуществляло непрерывный, тяжелый труд умиротворения кочевого Востока, собирания земель и народов, их объединения в единое целое и защиты от распада. Оно носит служилый, сторожевой характер. «Что такое Россия? — или, — что то же, — для чего нужно собирание?.. Для чего, зачем, не щадя себя, лишив себя свободы (т. е. обратившись в служилые сословия, обложив всякую душу — живую и даже умершую — тяжкою податью) — народ русский присоединял тысячеверстные рвы и валы...» (I, 365).

На этот патетический вопрос о цели собирания земли Русской Федоров отвечает целиком в духе своего учения: «собрание во имя предков и ради предков, соединение всех живущих для воскрешения всех умерших» (I, 364). Ввиду великой цели регуляции и воскрешения, требующей предельного сосредоточения сил народа, Федоров утверждает необходимость и долг всех стать на обязательную службу к государству, которое призвано стать выразителем этих целей. «Обязательная повинность службы» постепенно по мере освобождения от юридико-экономических законов принуждения будет переходить к «добровольному исполнению своего долга» (I, 377).

Русское государство на пути своего тысячелетнего утверждения собирает огромную мощь, концентрирует в себе такие великие качества, как единство, сплоченность, сила, которые можно и нужно обернуть на «общее дело» борьбы против слепых сил природы.

Н. Ф. Федоров, Л. Н. Толстой и В. С. Соловьев
Художник Л. Пастернак

Н. Ф. ФЕДОРОВ И ЕГО ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОКИ

При жизни Николая Федоровича его учение было известно очень немногим, однако среди них были такие выдающиеся люди, как Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. В 1904 году уже после смерти Федорова Н. П. Петерсон направляет «Письмо к издателю Русского архива по поводу отзыва Ф. М. Достоевского». Из этого письма явствует, что еще с конца 60-х годов Петерсон стал записывать — правда, с большими перерывами, преимущественно во время летних каникул — размышления вслух своего друга и учителя. Постепенно

у Петерсона сложилось достаточно полное представление об учении Федорова, и в 1877 году он посылает, скрыв это от самого Федорова, ряд своих записей Ф. М. Достоевскому. В ответе последнего от 24 марта 1878 года есть такие строки:

«Первым делом вопрос: кто этот мыслитель, мысли которого вы передали? Если можете, то сообщите его настоящее имя. Он слишком заинтересовал меня. По крайней мере сообщите хоть что-нибудь о нем подробнее, как о лице: все это, если можно.

Затем скажу, что, в сущности, совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как бы за свои. Сегодня я прочел их (анонимно) В. С. С. (В. С. Соловье-

ву. — С. С.). Я нарочно ждал его, чтобы ему прочесть ваше изложение мыслителя, так как нашел в его воззрении много сходного. Это нам дало прекрасных два часа. Он глубоко сочувствует мыслителю...

Сообщите же, если можете и хотите, многоуважаемый Н. П., как думает об этом ваш мыслитель, и, если можете, сообщите подробнее»³⁸.

Составление ответа Достоевскому растянулось на два года (вернее, два лета). Когда он был уже почти готов, Достоевский умер в январе 1881 года. Эта работа, в которой излагалось учение Федорова, позднее вошла в I том «Философии общего дела».

Летом 1878 года по пути в Ашхабад, где в то время Петерсон служил членом окружного суда, он случайно встретился в поезде с Л. Н. Толстым и прочитал ему вслух часть ответа Достоевскому. Лев Николаевич, хотя и заявил, что «это ему не симпатично», выказал большой интерес к личности и учению московского библиотекаря и через несколько лет, находясь в Москве, зашел к нему в Румянцевский музей. Вот запись в дневнике Толстого от 5 октября 1881 года: «Николай Федорович — святой! Каморка. Исполнять! — Это само собой разумеется. — Не хочет жалованья. Нет белья, нет постели»³⁹. С этого времени начинаются их многолетние отношения, нелегкие и неравноправные, как это ни странно, для самого Льва Николаевича. О несколько заискивающем отношении Толстого к Федорову, об их частых ссорах и стычках существует много рассказов, иногда легендарного оттенка⁴⁰. Илья Львович Толстой вспоминает: «Отец, всегда пылкий и несдержанный в разговорах, выслушивал Николая Федоровича с особенным вниманием и никогда с ним не горячился»⁴¹. О большом уважении и даже преклонении Толстого перед личностью Федорова, как подвижника идеи, человека «святой жизни» и даже невольного выразителя его собственных теорий опрощения и любви к ближнему, писали многие⁴². Более того, согласно Н. П. Петерсону: «Толстой не мог, только по присущей ему гордости, самого себя поставить ниже Николая Федоровича и говорил ему самому, что был бы последователем его учения, если бы не имел собственного»⁴³. Знаменателен следующий отрывок из письма, направленного Федорову в 1887 году известным русским поэтом А. А. Фетом: «Я никогда не забуду слов Льва Николаевича, относящихся к Вам в те еще времена, когда мы так дружелюбно сходились с Вами и беседовали у него на квартире. Он говорил: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком. Много надо иметь духовного капитала, чтобы заслужить такие отзывы, ибо я не знаю человека, знающего Вас, который не выра-

жался бы о Вас в подобном же роде. Если бы я не считал этого неловким, то смело включил бы себя в число таких людей»⁴⁴.

Нравственно-религиозное учение Л. Н. Толстого вызывало резкое неприятие у Федорова, и в 1892 году произошел окончательный разрыв между ними⁴⁵. Несмотря на это, Лев Николаевич неоднократно впоследствии, а также после смерти Федорова высказывался о нем очень тепло и душевно. Так, в 1895 году в ответ на приглашение подписать адрес Федорову, составленный его сослуживцами и читателями библиотеки, Толстой писал: «Я с радостью подпишу всякий адрес, который вы напишете Николаю Федоровичу. И как бы высоко вы в этом адресе ни оценили и личность и труды Николая Федоровича, вы не выразите того глубокого уважения, которое я питаю к его личности, и признания мною того добра, которое он делал и делает людям своей самоотверженной деятельностью. Благодарю вас за то, что вы обратились ко мне»⁴⁶.

Знавшие Н. Ф. Федорова отмечают одно его, изумлявшее всех, качество: абсолютное нежелание утвердить себя как мыслителя, автора определенного философского учения. Немногие свои статьи, появившиеся при его жизни, причем только в малозаметных или провинциальных печатных изданиях, он даже никогда не подписывал своей фамилией.

Не осталось бы даже изображения этого необыкновенного человека, если бы не хитрость его друзей, побудивших Л. О. Пастернака, близко знавшего Федорова, спрятаться за книгами в читальном зале Румянцевского музея и нарисовать его украдкой. Впоследствии, в 1919 году, художник, воспользовавшись этим наброском, написал большой портрет для библиотеки. Вся иконография Н. Ф. Федорова, помимо этого портрета и рисунка того же Пастернака, изображающего Н. Ф. Федорова, Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева за беседой (хранится в Музее Л. Н. Толстого в Москве), включает в себя исполненный художником М. Шестеркиным эскиз — силуэт фигуры философа, стоящего на балконе библиотеки, а также набросок Л. О. Пастернака с посмертной маски Федорова и фотографический снимок — Николай Федорович на смертном одре.

Но за этой личной и авторской скромностью Николая Федоровича стояли глубокие принципиальные причины. Автор философии «общего дела» был глубоко проникнут чувством общности духовного достояния всего человечества, пониманием того, насколько каждый автор обязан в своем творчестве эпохе, окружению, предшественникам и в конечном итоге всем когда-либо жившим людям на земле. Свое резкое отрицание собственности Федоров распространял и на творения интеллекта и

духа, где она, по его мнению, особенно кощунственно-оскорбительна. Как писал о Федорове, «демократе по убеждениям, народнике в неискаженном, наилучшем смысле этого слова», его самый близкий ученик В. А. Кожевников: «Эта последняя (аристократия родовая и денежная. — С. С.) сделала предметом привилегии немногих вещь, совершенно презренную в глазах нашего мудреца, — богатство материальное; аристократия же учения превращает в привилегию немногих избранных одно из высших благ, богатство духовное, достояние всеобщее»⁴⁷.

Призывам друзей самому выступить с учением, выражающим, по его убеждению, глубинные потребности всех людей, Федоров всячески противился и был готов кому угодно уступить это право (недаром в статьях, вошедших в посмертное издание «Философии общего дела», он говорит не от своего имени, а от лица «неученых», массы простого народа). Особые надежды Федоров возлагал в этом отношении на Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева.

Если Толстой, несмотря на весь свой интерес к учению Федорова и даже ряда попыток его распространения, был далек от его приятя⁴⁸, то Соловьев, безусловно, испытал сильное влияние идей регуляции и воскрешения. Довольно широко известно письмо В. С. Соловьева середины 80-х годов, направленное им Федорову после прочтения одной из его рукописей:

«Глубокоуважаемый Николай Федорович! Прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятив этому чтению всю ночь и часть утра, а в следующие два дня, субботу и воскресенье, много думал о прочитанном.

«Проект» Ваш я принимаю безусловно и без всяких разговоров. Поговорить же нужно не о самом проекте, а об некоторых теоретических шагах к его осуществлению. В среду я завезу Вам рукопись в музей, а в конце недели нужно нам сойтись как-нибудь вечером. Я очень много имею Вам сказать.

Будьте здоровы, дорогой учитель и утешитель. Сердечно Вам⁴⁹ преданный Владимир Соловьев».

Целый ряд философско-эстетических работ последнего, периода его наибольшего сближения с Федоровым, таких, как «Красота в природе» (1889), «Общий смысл искусства» (1890), «Смысл любви» (1892—1894) и др., в определенном смысле представляют особую, «метафизическую» транскрипцию некоторых идей Федорова. Более того, нашумевшее выступление Соловьева на заседании Психологического общества 19 декабря 1891 года с рефератом «Об упадке средневекового миросозерцания» должно было стать, по договоренности с Федоровым, первым общественным обнаружением его учения,

призывом к объединению всех «в труде познания смертоносной силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, в видах обращения слепой смертоносной силы в животворную, или точнее — оживотворяющую» (I, 481)⁵⁰.

Однако и этот реферат, неузнаваемо затемнивший по «причинам публичного свойства» (как оправдывался сам выступавший) суть федоровских проектов, и прочие работы этого знаменитого философа глубоко разочаровали Николая Федоровича: «Соловьев вливал «новое вино» философии «общего дела» в старые мехи собственного изготовления, где оно тут же превращалось в отвлеченно-идеалистический «уксус». С начала 90-х годов происходит резкое и бесповоротное размежевание этих мыслителей.

Надо сказать, что сам Федоров многократно, по существу все последние 30 лет жизни, берется за изложение своих идей. Все написанное им было собрано в последствии в двух томах «Философии общего дела». Прежде всего при чтении этой книги обнаруживается, как все изложение четко раслаивается на два основных пласта: первый, реалистически-адекватный проектам Федорова, развивает их применительно к естественнонаучному знанию и мировоззрению, второй символически транспонирует то же учение в форму универсального мифа, в котором переосмыляется ряд христианских образов. Это два языка, два кода, две обработки одной идеи. На этом основании Федорова иногда определяют как религиозно-христианского мыслителя, не понимая той совершенно особой роли, которую играют эти образы в его учении. При частом упоминании «Бога отцов» и «Царства Божия» в книге нет даже намека на сотрудничество божественных потенций в том общем деле, к которому Федоров призывает. Все упования возлагаются лишь на человека, на титаническое напряжение его способностей.

Но почему все же христианство, образ Христа притягивают русского мыслителя, проповедника идей регуляции всего космоса и воскрешения предков? Из всех мировых религий только в христианстве — и это его безусловная метафизическая оригинальность — утверждается идея личного воскресения, восстановления буквального, в форме тела, каждой уникальной человеческой личности. Сама эта идея в радикально ином виде — без труб и фанфар страшного суда, нелепой операции отделения чистых от нечистых, без всякого вмешательства божьей воли и любых сверхъестественных сил, — именно идея воскресения, высказанная в христианстве в форме мифа, привлекает Федорова.

Учение Федорова, безусловно, базируется на предпосылке уникального значения земли и человека. Ведь от эллинства

(платонизма) и буддизма, этих двух вершин духовно-метафизического опыта человечества, христианство принципиально отличается тем, что оно признает землю центром вселенной, а человека — центром всего земного. Христианская геоцентрическая концепция у Федорова — убежденного коперниканца — получает антропоцентрический поворот. Все небесные тела лишь многочисленные земли. В этом смысле не может быть речи о единственно центральном положении земли. Но постольку, поскольку на земле возникла жизнь и сознание, возник и действует человек, а человек у Федорова — единственное мыслящее космическое существо, которому принадлежит роль хозяина и преобразователя всего мироздания, то тем самым и малосенькая песчинка вселенной — земля — становится фокусом этой вселенной.

С такой точки зрения само воскрешение получает характер необходимости. Для заселения и управления космосом все — в мирадах прошедших поколений — пригодятся. Бесчисленность восстановленных тел пугает несоразмерной с землей отталкивающей жутью, но гармонично соотносится с безмерностью пустого космоса. Земля — питомник, оглашающий шумом и радостью живого бессмертия холодные пространства вселенной⁵¹.

В своей трактовке христианства Федоров оказывается удивительно внутренне близок Л. Фейербаху. Для Фейербаха бог есть не что иное, как идеализированная человеческая сущность, воплощающая мечту человечества о своем безграничном могуществе. Для автора «Сущности христианства» «вера в будущую жизнь есть вера в освобождение субъективности от ограничений природы, следовательно, вера в вечность и бесконечность личности, и притом не в смысле ее рода, постоянно развивающегося в новые индивиды, а в смысле уже существующих индивидов, следовательно, вера человека в самого себя... бог есть чистая, абсолютная, свободная от граней природы личность». Федоров не только считает вслед за Фейербахом, что «бог... есть уже то, чем человеческие индивиды должны быть и некогда будут — поэтому вера в бога есть вера человека в бесконечность и истинность своего собственного существа»⁵², но и пытается использовать это знание для целей собственного учения.

На «поэтику» мышления Федорова значительное влияние оказали православная русская иконопись и зодчество, житийно-учительная литература, бывшие на протяжении веков единственной формой выражения народного мирозерцания. Глубоко «вживаясь» в голос «крестьянского» русского народа, от имени которого Федоров выступает со своими проектами, он часто

пытается говорить на языке символов, понятных этому народу. Причем характерно, что первый план изложения учения Федорова — безрелигиозный, научно-философский — всегда развивается сам по себе. Зато второй, христианско-религиозный, всегда просвечивается на положительном фоне первого, что каждый раз отчетливо выявляет смысл этого второго плана как образного шифра федоровских идей, чистой художественной метафоры его мысли.

Настоящим же принципом объединения, «религиозной» связи между людьми у Федорова становится вера в «общее дело». «Живая религия есть лишь религиозизация, т. е. возведение в религию вопроса о жизни и смерти, или вопроса о всеобщем возвращении жизни, о всеобщем воскрешении». Для Федорова «религия» «общего дела» дает веру человеку в свои фантастически беспредельные возможности, вносит высший смысл в жизнь и историю.

КОНЕЦ ПУТИ

Этой вере сам Федоров был горячо, почти фанатически предан до конца своей жизни, можно сказать, до ее последних минут. О них рассказал его ближайший ученик, философ В. А. Кожевников, неотлучно находившийся при нем в Мариинской больнице, где Николай Федорович скончался 15 декабря (по старому стилю) 1903 года. Федоров умер в 75 лет, но и в старости он сохранял необычайную бодрость и энергию. Его организм, закаленный суровым, аскетическим образом жизни, не знал болезней. Смерть наступила, по существу, случайно. Однажды в трескучие декабрьские морозы под сильнейшим нажимом друзей Николай Федорович изменил своим десятилетним привычкам. Его почти насильно одели в шубу и посадили на извозчика, чего он никогда себе не позволял. В результате — простуда, воспаление легких, смерть.

В. А. Кожевников так пишет о последних часах жизни своего учителя:

«Агония была тяжкая и длительная. Но до этого он много говорил, хотя и с трудом уже, с посещавшими его друзьями, несмотря на запрещение врачей разговаривать... Забывали и мы запрет. Жалость к страдальцу сменялась благоговейным вниманием к наставлениям...

Мы чувствовали, то были последние советы, последние заповеди, последние благословения. Ни слова о себе лично, ни о болезни, ни о близком уже конце... все мысли и речи о «деле». С ним он не расставался до последней минуты сознания. Видимо, хотелось говорить много, но кашель и укороченное дыхание мешали: приходилось ограничиваться краткими указаниями... Тут были великие, проникновен-

ные мысли... На этих указаниях, на этих и среди этих страданий, не покидавших его стремлениях, смолкла в агонии его речь, но уста еще долгие часы шевелились невнятно и бессильно, и горели во взоре недосказанные думы. Жалостливо-величава была и эта беззвучная беседа. Он скончался без сознания, часов в 6 утра»⁵³.

Сразу после смерти Н. Ф. Федорова Н. П. Петерсон и В. А. Кожевников непосредственно приступают к подготовке издания всего написанного их учителем. Разобрать рукописи Федорова оказалось делом сложным и кропотливым. Писал он почерком мелким, неясным, почти всегда карандашом, чаще всего ночью, при тусклом свете коптилки, на отдельных листах или обрывках бумаги. Издателям пришлось проделать колоссальную работу по разборке и систематизации философского наследия учителя.

Наконец в 1906 году на далекой окраине царской России, в городе Верном (ныне Алма-Ата) вышел первый том «Философии общего дела» всего в количестве 480 экземпляров. Следуя заветам покойного, ученики выпустили книгу «не для продажи». Часть тиража была разослана по библиотекам, из другой части любой желающий мог себе бесплатно заказать экземпляр у издателей. Второй том был издан через семь лет, в 1913 году, в Москве. Был подготовлен к печати и третий том, содержащий ряд статей Федорова и прежде всего его переписку, но наступившие бурные события первой мировой войны и революции помешали его выходу в свет.

Н. Ф. Федоров в «цеховой» классификации философов неизменно занимает место утописта. Его любят сблизить с мечтателями типа Фурье, предлагающими свои идеальные схемы общественного жизнеустройства. Правда, русский мыслитель создал не социальную, а космическую «утопию». В своем учении он посвящает не на тот или иной общественный строй, а на весь природно-мировой порядок. Если в основе многочисленных утопий лежала извечная человеческая мечта о справедливом и счастливом устройении на земле, то в основе федоровских проектов лежит дерз-

новейшая мечта о полном овладении тайнами жизни, о победе над смертью, о достижении человеком богоподобной власти в преображенном мироздании.

В «Философии общего дела» просматривается много черт утопического коммунистического идеала. В процессе объединения всех «общего дела» регуляции рушатся расовые, национальные, территориальные, классовые перегородки.

Однако слабые стороны учения Федорова достаточно очевидны. Утопизм построений русского мыслителя связан с превознесением регуляции как спасения от всех социально-экономических бедствий человечества. Федоров не оценил возможностей социальных, социалистических преобразований. Он был одержим нетерпением открывателя будущих путей, перескакивал через целые исторически необходимые этапы развития человечества, определял задачи более дальние, те, которые насущно, как прямые, практические задачи станут перед тем временем, когда будут разрешены жгучие, социальные проблемы, когда «вопрос государственный, культурный превратится в физический или астрофизический, в небесно-земной» (I, 10).

Все, что человек создал в себе и вокруг себя за всю свою тысячелетнюю историю, все невиданное и небывалое, внесенное в природу через творчество и труд, вначале явилось человеку как мечта, все более уточнявшая себя через реальное сопротивление действительности. В любой утопии различаются две стороны: сама идея, образ чаемого и пути ее реализации. Обычно наиболее уязвимой является вторая сторона. Тут с неизбежным драматизмом сталкиваются индивидуальная вера, универсальная схема, кажущиеся неотразимой истиной их носителю, и объективные законы общественно-исторического развития. Само же зерно идеи, уходящее в мечту, часто дает реальные всходы в почве будущего. Многие мечты, которые «гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильной которых мы доказываем теперь научно»⁵⁴, в наше время уже окончательно практически сняли с себя подозрение в том, что «они не могут иметь места» в действительности. Эпитет «утопический» нередко смывается волной времени.

І РИМЕЧВНИМ

¹ См.: И. Романовский. Книга и жизнь. Очерки о Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. М., «Московский рабочий», 1950, с. 60—67.

² М. Горький. Еще о механических гражданах.

Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24. М., 1953, с. 454.

³ См.: «Литературное наследство», т. 70, 1963.

⁴ См. в частности: Л. В. Голованов. К вопросу об идейных влияниях на К. Э. Циолковского. — Труды 3-х чтений К. Э. Циолковского. Секция исследования творчества К. Э. Циол-

ковского. М., 1966, с. 3—16.

⁵ Недаром определение «загадочный старик» послужило названием повести-хроники известного популяризатора науки Вл. Львова, впервые познакомившего советского читателя с биографией необыкновенного московского библиотекаря. В повести подчеркиваются материалистические основы

его мировоззрения, глубоко демократический и гуманистический характер его идей, выдвигается настоятельная необходимость их пристального изучения. См. Вл. Львов. Загадочный старик. Федоров вчера и сегодня. Несколько слов в заключение. — «Нева», 1974, № 5, с. 65—122.

⁶ Любопытно, что сестра Ивана Алексеевича Гагарина, Прасковья Алексеевна Гагарина, вышедшая замуж за князя Кропоткина, стала бабкою П. А. Кропоткина, приходящегося, следовательно, троюродным братом Н. В. Федорову. В своих знаменитых «Записках революционера» П. А. Кропоткин считает особой чертой семейства Гагариных вкус к театру, литературе и философическому размышлению.

⁷ См.: С. Л. Толстой. Очерки былого. Тула, 1968, с. 135. Более того в черновых вариантах к «Воскресению» философские убеждения Симонсона (сначала Вильгельмсона) включают в себя элементы учения Н. Ф. Федорова: необходимость материального воскрешения всех умерших силами знания и труда самих людей. См. шестую редакцию «Воскресения» — Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. М., 1933, т. 33.

⁸ Н. П. Петерсон. «Философия общего дела» в противоположность учению Л. Н. Толстого о «непротивлении» и другим идеям нашего времени. Верный, 1912, с. 88—89.

⁹ «Философия общего дела». Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона, т. 1. Верный, 1906, с. 276. Второй том вышел в Москве в 1913 году. Далее в тексте очерка ссылки на оба тома даются в скобках после цитаты. Указывается том и страница.

¹⁰ Вал. Брюсов. О смерти, воскрешении и воскрешении (письмо в ответ на вопрос). «Вселенское дело», вып. 1-й. Одесса, 1914, с. 49.

¹¹ См.: А. Салтыков. Первый иллюстратор Маяковского. «Творчество», № 12, 1965.

¹² П. Я. Покровский. Из воспоминаний о Николае Федоровиче. (К 40-му дню

кончины.) — «Московские ведомости», № 23, 1904, с. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Екат. Некрасова. Памяти Н. Ф. Федорова. «Русские ведомости», № 353, 1903, с. 4.

¹⁵ П. Я. Покровский. Из воспоминаний о Николае Федоровиче, с. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ А. А. Гинкен. Идеальный библиотекарь — Николай Федорович Федоров. «Библиотекарь», вып. 1-й, 1911, с. 1.

¹⁸ В. А. Кожевников. Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам. М., 1908, с. 8.

¹⁹ Там же, с. 7—8.

²⁰ Из письма от 20 апреля 1896 года С. Шурова, сотрудника Румянцевского музея, Н. Ф. Федорову. — Архив Н. П. Петерсона. Рукописный отдел Всесоюзной Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

²¹ В. А. Кожевников, Николай Федорович Федоров, с. 5.

²² П. Я. Покровский. Из воспоминаний о Николае Федоровиче, с. 4.

²³ Там же.

²⁴ И. Л. Толстой. Мои воспоминания. М., «Художественная литература», 1969, с. 189—190.

²⁵ А. Остромиров. Николай Федорович Федоров. Биография. Харбин, 1928, с. 15.

²⁸ Ю. Бартнев. Памяти Н. Ф. Федорова. «Русский архив», 1904, № 1, с. 192.

²⁷ См.: Г. Флоровский. Проект мнимого дела (о Н. Ф. Федорове и его продолжателях). — Современные записки. Париж, 1935, № 59, с. 399.

²⁸ К. Э. Циолковский. Черты из моей жизни. В кн.: К. Э. Циолковский. М., 1939, с. 27.

²⁹ К. Алтайский. Московская юность Циолковского. — «Москва», 1966, № 9, с. 181.

³⁰ В. Брюсов. Новые книги Эмиля Верхарна. — «Русская мысль», 1910, № 8, с. 6.

³¹ См. в частности: А. Л. Чижевский. Солнце и мы. М., 1963; статьи в сб. «Земля во вселенной». М., 1964.

³² См.: А. Остромиров. Николай Федорович Федоров и современность. Вып. 3-й. Харбин, 1932, с. 4.

³³ В. И. Вернадский. Автотрофность человека. Биогеохимические очерки. М., 1940, с. 55.

³⁴ Там же.

³⁵ Эта классификация была введена немецким физиологом И. Пфеффером. Она включает в себя существа гетеротрофные, то есть прямо зависящие от других живых существ или продуктов их жизнедеятельности (к ним принадлежит и человек). Между гетеротрофными и автотрофными есть место также немногочисленным промежуточным существам — миксотрофным (омела).

³⁸ Там же, с. 56—57.

³⁷ И. С. Шкловский. Вселенная. Жизнь. Разум. М., «Наука», 1973, с. 323. Тут же ученый добавляет: «Мы приходим, таким образом, к весьма важному для нас выводу: появление искусственных разумных существ должно ознаменовать новый, качественно отличный от предыдущих, этап развития материи», с. 323.

³⁸ Письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Петерсону. — «Русский архив», 1904, № 3, с. 402, 403. Впервые это письмо Ф. М. Достоевского было напечатано (в сокращенном виде) в № 80 за 1897 год воронежской газеты «Дон».

³⁹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. М., ГИХЛ, 1952, т. 49, с. 58.

⁴⁰ См., в частности, ряд эпизодов в повести-хронике Вл. Львова «Загадочный старик».

⁴¹ И. Л. Толстой. Мои воспоминания, с. 190.

⁴² См., в частности, воспоминания известного этнографа А. С. Пругавина «О парадоксах Л. Н. Толстого». В кн.: «Сборник вос-

поминаний о Л. Н. Толстом». М., 1911.

⁴³ Н. П. Петерсон. «Философия общего дела» в противоположность учению Л. Н. Толстого о «непротивлении» и другим идеям нашего времени, с. 74.

⁴⁴ Письмо А. А. Шеншина (Фета) к Н. Ф. Федорову. В кн.: В. А. Кожевников. Николай Федорович Федоров, с. 320.

⁴⁵ Конкретные детали разрыва представлены в книге: Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., «Наука», 1970.

⁴⁶ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. М., ГИХЛ, 1954, т. 68, с. 246—247.

⁴⁷ В. А. Кожевников. Николай Федорович Федоров, с. 12.

⁴⁸ Согласно воспоминаниям старшего сына

Л. Н. Толстого: «При каждой встрече с моим отцом он (Н. Ф. Федоров. — С. С.) требовал, чтобы отец распространял эти идеи. Он не просил, а именно настойчиво требовал, а когда отец в самой мягкой форме отказывался, он огорчался, и обижался, и не мог ему этого простить» (С. Л. Толстой. Очерки былого, с. 135). Н. Н. Гусев пишет: «В 1904 году на мой вопрос, почему Федоров относился к нему неприязненно, Толстой ответил: «Потому что я не разделял его взглядов», и прибавил: «Он меня прямо ненавидел». Н. Н. Гусев, Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год, с. 78.

⁴⁹ Письма Владимира Сергеевича Соловьева, т. II, под редакцией Э. Л. Радлова. 1909, с. 345.

⁵⁰ Тут же, на этой странице своей книги, Федоров пишет: «19-е октября 1891 г.

могло бы сделаться величайшим днем».

⁵¹ Вл. Львов в книге «Молодая вселенная», склоняясь к гипотезе единственности разума на Земле, сделал приблизительный подсчет, сколько понадобится человеческих существ для освоения «территории вселенной»: «Их нужно будет, по крайней мере, во столько раз больше нынешнего числа людей, во сколько раз весь обозримый космос превосходит земной шар... От 10^{56} до 10^{63} человеческих душ», с. 373.

⁵² Л. Фейербах. Сущность христианства. Сочинения, т. 2. М., 1926, с. 195—196.

⁵³ Из письма В. А. Кожевникова к А. Остромирову. Цит. по кн.: А. Остромиров. Николай Федорович Федоров, с. 19.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. т. 18, с. 499.

ПРОМЕТЕЙ. Т. 11.

Редактор **А. Ефимов**

Макет и оформление **Р. Тагировой**

Художественный редактор **А. Степанова**

Технический редактор **Е. Брауде**

Сдано в набор 27/X 1975 г. Подписано к печати 21/XII 1976 г.
A1513. Формат 70X100^{1/16}. Бумага № 1. Печ. л. 23 (усл. 29,9).
Уч.-изд. л. 41,2. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 69 к. Т. П.
1974 г.. М 326. Заказ 2022.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.